

ПОЭЗИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА: ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПЕРЦЕПЦИИ

В. К. Харченко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Harchenko@bsu.edu.ru*

В статье исследуются особенности языка перцепции в одах М. В. Ломоносова применительно к различным каналам восприятия: зрительному, слуховому, тактильному, обонятельному и вкусовому.

Ключевые слова: перцепция, соматизм, соматология.

В литературе и искусстве, равно, как, впрочем, и в языке отсутствует сама идея прогресса [1, с. 131 – 132]. Нет поступательного движения от худшего к лучшему, и разбор текстов более поздних авторов в аспекте художественной лингвосенсорики отнюдь не означает, что по силе воздействия эти авторы превзошли выразительнейшие по языку тексты предшественников. Вместе с тем к художественным достоинствам текстов М. В. Ломоносова далеко не только рядовой носитель языка, но и филолог-исследователь вынужден пробираться, преодолевая архаику, поэтическую условность, несовременность поэтической манеры изложения. Однако в итоге предпринятых усилий, чтения оптимального для понимания, то есть вникающего, замедленного, читатель получает ещё одно свидетельство и измерение славы отечественной литературы.

Исследуя художественную перцепцию поэтической речи М. В. Ломоносова, проставим предваряющие изложение вехи анализа:

- а) высокий стиль в сопряжении с яркой перцепцией;
- б) интенсивность воспринимаемого;
- в) тропеическое сопровождение зрительных, слуховых, тактильных, обонятельных и вкусовых образов в поэтике М. В. Ломоносова;
- г) лирический герой – учёный: космизм, панорамность зрительных образов;
- д) роль соматизмов в передаче художественной перцепции;
- е) от перцепции – к крылатости фразы.

Высокий штиль на службе перцепции – тема малоисследованная ещё и потому, что в современном информационном пространстве наблюдается дефицит «высокого штиля» речи, заменяемого или иронией, или стандартом «ритуальных», то есть ожидаемых реплик-речений. Если же вчитаться в стихотворения М. В. Ломоносова [2] с позиций перцептивной лингвистики, то открываются вещи весьма интересные. Высокий штиль ожидаемо и естественно адресован царям и царицам в стихотворениях образца «На день восшествия на престол...». Однако не менее высоким стилем написано (может быть, неожиданное для самого автора) посвящение... кузнечнику. Г. Р. Державин потом подхватит эту интонацию: «...Я червь, я Бог». *Кузнечик дорогой, коль много ты блажен, / Коль больше пред людьми ты счастьем одарен! / Препровождаешь жизнь меж мягкой травой / И наслаждаешься медвяною росой* («Стихи, сочинённые на дороге в Петергоф...»). Перцепция такова, что, читая эти проникновенные строки, начинаешь ощущать себя... кузнечиком, поскольку препровождать жизнь и наслаждаться – так может сказать о себе, прежде всего, homo sapiens.

Высокий стиль предполагает абстракцию, «эмблематичность» ломоносовской поэзии (М. В. Панов). *Любовь России, страх врагов; витийство, Пиндар, уст твоих; Что так теснит боязнь мой дух?* Замечая Ломоносовские абстракции, мы подчас не замечаем яркости перцептивных образов. Любопытный текст, тем более поэтический, целесообразно анализировать с позиций взаимоиндукции трёх ипостасей: когниции, эмоции, перцепции. Абстрактный ряд тяготеет к когнитивному полю стиха. Эмоциональность поэтической мысли М. В. Ломоносова придают риторические вопросы, позитивная оценочная лексика, персонифицированные географические названия в позиции вокативов, перифразы, старо-

славянизмы. *Где ныне похвальба твоя? / Где дерзость? где в бою упорство? / Где злость на северны края? Стамбул, где наших войск презорство?* («Ода... на взятие Хотина 1739 года»). Своеобразие когнитивного ряда и высокое эмоциональное напряжение в одах М.В. Ломоносова завоёвывают внимание исследователя и не позволяют уловить особенностей ломоносовской художественной перцепции. Между тем сопряжение высокого строя речи и яркой перцепции характерная черта ломоносовского идиостиля.

Слово «яркий» в филологических опусах, особенно в работах по стилистике, потеряло своё «оптическое» значение, став банальным, ожидаемым определением, чрезвычайно распространившимся и потому выхолощенным. Отметим, что для ломоносовской «яркой» перцепции весьма характерны, прежде всего, интенсивность и динамизм. *Внимай, как юг пучину давит, / С песком мутит, зыбь на зыбь ставит, / Касается морскому дну, / На сушу гонит глубину / И с морем дождь и град мешает; / Так росс противных низлагает* («Одна на прибытие Ея величества великия государыни императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации»). Вторая строфа той же оды начинается не менее динамично: *Взлети превыше молний, муза, / Как Пиндар быстрый твой орел; / Гремящих арф ищи союза / И вверх пари скоряе стрел...*

Поэтические ощущения: вкусовые (сладчайший), обонятельные (разить), осязательные (*лютый мраз, замерзлым*) – поэт передаёт по степени интенсивности на пределе возможного: *...Сладчайший нектар лей с озоном...; На месте брани и раздора / Цветы свои рассылет Флора. / Разить не будет серный прах / Сквозь воздух, огонь и смерть в полках...; Как лютый мраз она прогнавши / Замерзлым жизнь даёт водам... Ещё чаще встречаются интенсивные слуховые образы. В той же оде это, к примеру: *Брега Невы руками плещут...; Превысь Парнас высоким тоном; / С Гомером, как река, шуми...; Моя десница мечет гром...; Огня ревущего удары / И свист от ядр летящих ярый...; Там кони бурными ногами / Взвивают к небу прах густой...; Пред сильною его пятою / Кремнистые бугры трещат...**

Перманентными, сквозными, ведущими являются, конечно же, зрительные образы, динамизм, интенсивность и выразительность которых у М. В. Ломоносова отвечает высокому слогу оды и поэтическому кредо ее создателя. Сравним два отрывка оды: *Багровый облак в небе рдеет, / Земля под ним в крови краснеет <...> Престань прекрасный век мрачить / И Фински горы кровавить!* Цвет передаётся глаголами (*краснеет, кровавить*). Рядом рассмотренные, эти строки свидетельствуют о богатстве языка поэта, о запасе поэтического хода.

Особенностью художественной перцепции М. В. Ломоносова является также высокая плотность сенсорики на весьма сжатом пространстве поэтического текста, ощутить которую не мешает даже ни архаичная лексика (*густость, секирный, паства, елени*), ни (столь частотная у поэта вообще) инверсия: *Охотник где не метил луком...* Обозначим в исследуемом отрывке эти проекции на органы чувств.

...Где густостью животным тесны (ОСЯЗ.) / Стоят глубокие леса (СЛУХ), / Где в роскоши прохладных теней (ОСЯЗ.) / На пастве скачущих еленей / Ловящих крик не разгонял (СЛУХ.); / Охотник где не метил луком; Секирным земледелец стуком (СЛУХ.) / Поющих птиц не утрашал (СЛУХ.). Лес с его тишиной (и прохладой) и последовательность звуков: скачущие олени, крик ловцов, стук топора земледельца, пение птиц – таков аудиосюжет небольшого фрагмента из «Оды на день восшествия на всероссийский престол Ея Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года». Два звуковых образа выражены адъективированными причастиями (*скачущих, поющих*) и два отглагольными безаффиксными существительными (*крик, стук*), тишина леса «запята» в эпитет *глубокие* (леса).

Можно взять ещё более короткий отрывок из данного текста и отметить силу художественной перцепции: *Где мерзлыми борей крылами / Твои взвевает знамена...*

Следующей особенностью поэтики од М. В. Ломоносова является искусное владение тропами при передаче сенсорных ощущений.

Процитируем М. В. Ломоносова как филолога: «Великолепием украшается слово чрез пренесение речений или предложений от собственного знаменования к другому, которые у греков называются тропами и разделяются на тропы речений и предложений» [3, с. 237], автор риторики разграничивает шесть тропов речений (метафору, синекдоху,

метонимию, антономазию, катахресис и металепсис) и пять тропов предложений (аллегория, парафразис, эмфазис, гиперболу и иронию). Подробнее см. [4, с. 125 – 126].

Зрительные образы в поэтике М. В. Ломоносова рождаются, благодаря сочетанию высокого слога и, прежде всего, приёма олицетворения: *Прекрасны летни дни, сияя на исходе, / Богатство с красотою обильно сыплют в мир; / Надежда радостью кончается в народе; / Натура смертным всем открыла общий пир. / Созрелые плоды древа отягощают / И кажут солнечным румянец свой лучам! И руку жадную пригожеством привлекают; Что снят своей рукой, тот слаще плод устам* («Письмо к его высокоородию Ивану Ивановичу Шувалову»). Вкусовой образ в конце приведённого фрагмента афористичен. Лексика отрывка будто бы далека от видеоряда, поскольку абстрактна: *богатство, красота, надежда, радость, натура, пригожество*, однако у М. В. Ломоносова видеоряд создан далеко не только олицетворением (Летние дни сыплют в мир богатство и красоту) и не только подмеченным «сезонным» переходом от надежды на урожай к радости урожая (*Надежда радостью кончается в народе*), но также а) примирительной вкусовой метафорой (*общий пир*), б) инверсией (*древа отягощают*), в) синекдохой (*И руку жадную пригожество привлекают*). Мы опять процитировали весь фрагмент, поскольку «всё» работает на художественную перцепцию.

Динамика перцептивных при поддержке тропов просматриваются в стихотворении с описанием оранжереи в Царском Селе: *Туда, где ей Цейлон на севере цветёт, / Где хитрость мастерства, преодолев природу, / Осенним дням даёт весны прекрасный вид / И принуждает вверх скакать высоко воду, / Хотя ей тягость вниз и жидкость течь велит* («Письмо к его высокоородию Ивану Ивановичу Шувалову»).

Не менее ярки у Ломоносова осязательные образы: *Взирая в древности народы изумлены, / Что греет, топит, льёт и светит огонь возжженный... ..Воздвиг ужасны звуки / Предерзкого к горе великой приковал / И сильному орлу на растерзанье дал. Он сердце завсегда коварное терзает...* («Письмо о пользе стекла...»). Художественность осязания может строиться на детали (*к камину*), на антонимии: *...К камину посадил. / Я тёплыми руками / Холодны руки мял, / Я крылья и с кудрями / Досуха выжимал* («Ночную темнотою...»).

Интересно, что осязательный образ может переключаться даже на условно вкусовой и подчёркнуто зрительный, как в следующем отрывке, работающем в тексте как афористическое персонифицированное сравнение: *Так Нил смиренно протекает, / Брегов своих он не терзает, / Но пользой выше прочих рек: Свою сладкою водою, / В лугах зелёных пролитою, / Златой даёт Египту век* («Ода на день рождения Её Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския, 1746 года»).

Метафора помогает усилению зрительных образов. Рассмотрим «Оду на день брачного сочетания их императорских высочеств государя великого князя Петра Федоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года». *Там мир в полях и над водами, / Там вихрей нет, ни шумных бурь; / Между млечными облаками / Сияет золото и лазурь. В следующей строфе торжествует праздник жизни, он же праздник сенсорики: Кристальны воды окружают, / Струи прохладны обтекают / Усыпанный цветами луг. / Плоды, румянцем испещренны, / И ветви, медом орошенны, Весну являют с летом вдруг.* Зрит.+Осяз.+Зрит.+Зрит.-Вкус.+Вкус.-Обонят. – таким перцептивно насыщенным представляется приведённый отрывок 6-й строфы оды. Олицетворение любовной страсти передается поэтом в динамическом изображении ручьев: *Ручьи вослед ручьям крутятся, / То гонят, то себя манят, / То прямо друг к другу стремятся, / И слившись меж собой, журчат.*

Эпитет у Ломоносова давно привлекал внимание исследователей, но ведь именно эпитет нередко усиливает ещё и перцепцию: *Там спорит жирна мгла с водой; / Иль солнечны лучи блестят, / Склоняясь сквозь воздух к нам густой; / Иль тучных гор верьхи горят...* («Вечернее размышление о Божием величестве...»). Разумеется, здесь задействованы не одни эпитеты, но сами эпитеты выразительны синестезией (*жирная мгла, густой воздух, тучные горы*). Эпитет становится полисенсорным, и это уже у М. В. Ломоносова: год написания стихотворения 1743. В известном стихотворении поэтическая мысль учёного посвящена космосу: *Открылась бездна, звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна <...> Там разных множество светов; Несчётны солнца там горят... <...> Не солнце ль*

ставит там свой трон? / Не льдисты ль мещут огонь моря? / Се хладный пламень нас покрыл! / Се в ночь на землю день вступил! (Мы научились писать о земле, но красиво, вдохновенно, зримо писать о космосе, как писал М. В. Ломоносов, пожалуй, пока еще не умеем!).

Приёмом усиления сенсорных образов у М. Ломоносова становится также приём перифразирования, создание перифраз: *Царей и царств земных отрада, / Возлюбленная тишина...* («Ода на день восшествия на всероссийский престол Ее Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»), *Уже прекрасное светило простерло блеск свой по земли...* («Утреннее размышление о Божием величестве»), *...Не погнушался он на малой шар сойти...* («Письмо о пользе стекла...»).

Зрительные образы у Ломоносова нередко подчинены «науке», причём эти образы подчас весьма драматичны: *От самой древности воюют многократно, / Чем много знания погибло невозвратно! / Коль точно знали б мы небесные страны, / Движение планет, течение луны...* («Письмо о пользе стекла...»).

Начальные строки «Утреннего размышления о Божием величестве» стали крылатыми, хрестоматийными: *Уже прекрасное светило / Простёрло блеск свой до земли...* Далее поэт описывает «горящий вечно Океан»: *Там огненны валы стремятся / И не находят берегов; / Там вихри пламенны крутятся, / Борющесь множество веков; / Там камни, как вода, кипят, / Горящи там дожди шумят.*

Перцепция Ломоносова – это не только высота стиля и свежесть описания, не только избыточный динамизм, что мы сейчас продемонстрировали, но и присутствие наблюдателя. Частотны в лирических стихотворениях и одах строки, апеллирующие к зрению: *И взору нашему открылись...; Представь, какой зиждитель сам...; Как взглянешь на поля, как взглянешь на плоды... Я тайности твои и небеса отверзу...; Из мысли ходим в мысль, / Из света в свет иной....* Мысль в последней строке соотносена со светом, видимым, освещённым, заметным, наглядным, но ещё и священным. Уважение к тому, что изучает учёный, поэтически выражаемое неоднократно восхищение «объектом» исследования, – одна из причин усиления художественной перцепции в стихотворениях поэта.

Ломоносов-учёный «проговаривается» в стихах, казалось бы, далеких от науки, например, в «Оде на день брачного сочетания...»: *С горящей, солнце, колесницы, / Низвед пресветлые зеницы, / Пространный видишь шар земной.* Такую «космическую» перцепцию в те годы мог создать человек, профессионально занимающийся астрономией.

Отдельного рассмотрения требует соматика ломоносовской художественной перцепции, то есть роль названий частей тела в выстраивании зрительных, слуховых, осязательных и других впечатлений.

В отечественной науке последнего периода соматизмы продолжают изучаться весьма интенсивно. Создаются словари как отдельного соматизма («рука») [5, с. 2009], так и соматизмов в составе того или иного микрожанра, например, народной приметы [6, с. 2009]. Укажем некоторые теоретические работы по соматологии в церковнославянском языке [7, с. 2011], в сопоставительной лингвофольклористике [8, с. 2005], переводоведении [9, с. 2003], диалектологии [10, с. 2009]. Изучается фразеологическая активность соматизмов [11, с. 2007], исследуется отражение в языке «наивной анатомии» [12, с. 2005]. О связи лингвосенсорики и лингвосоматики мы писали в [13].

Обилие слов-соматизмов в одах М. В. Ломоносова заставляет ставить вопрос об участии этой лексики в передаче перцептивных переживаний. Привыкая к «эмблемам» и символам ломоносовской поэзии, с этих позиций невольно рассматриваешь и соматику: *...Рука господня буди с нею; На запад смотрит грозным оком / Сквозь дверь небесну дух Петров...; ...И простирает / Свой перст на дщерь свою с высот...; То сердце сильно власть страшит, / То кротость оное живит...; Ко мне возносят скорбный глас...; Целуй, Петрополь, ту десницу, / Которой долго ты желал...; Как сердце наше к ней пылало, / Чтоб к нам лице её сияло...*

Было бы несправедливым в приведённых контекстах усматривать только символику и эмблематику (*рука господня, простирает... перст, сердце пылало, возносят глас*). Церковнославянизмы (*десница, лице, перст*), перифрастичность (*рука господня*) как приём, действительно, работают, скорее, на когницию и эмоцию, нежели на перцепцию (сенсорнику) поэтической строки. Но в исследуемой оде («Ода на прибытие Ея величества ве-

ликия государыни императрицы Елисаветы Петровны...») фиксируются и другие соматизмы. Проанализируем их.

...*Руками, реки, восплеците...* Соматизм поставлен в позиции перед вокативом, подчеркнутая инверсия косвенного дополнения и глагола-сказуемого придаёт экспрессии всей поэтической строке, переносное значение соматизма «рука» (руки реки) в контексте совмещается с прямым (ср.: *рукоплескать, рукоплещет*).

Смесившись с прахом кровь кипит; / Здесь шлем с главою, там труп лежит; / Там меч с рукой отбит валится... Изображение боя, битвы передано словами, называющими части тела, но именно война лишает тела целостности. Трагедия сражения передана Ломоносовым устрашающе зримо, а начинается эта картина смещением праха и крови. Случайна ли следующая за этим полотном сентенция (когниция)? *Народы, ныне научитесь, / Смотря на страшну гордых казнь, / Союзы разрушать блюдитесь, / Храните искренню приязнь; / На множество не уповайте / И тем небес не раздражайте!*

Не швед ли мнил, что он главою / Как Атлас держит целой свет / И море сильною рукою / И полной властью в узах жмет... Типичный для М. В. Ломоносова приём сочетания слов-соматизмов в пределах строфы снимает стандарт восприятия, придаёт большую зримость изображаемому.

При изображении батальи соматизмы используются Ломоносовым при создании образа Смерти, причем соматизмы с эпитетами: *Там смерть меж готфскими полками / Бежит, ярясь, из строя в сторону, / И алчну челюсть отверзает, / И хладны руки протирает, / Их гордый исторгая дух, / Там тысячи валяются вдруг* («Ода на прибытие Ея величества великия государыни императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации»).

У М. В. Ломоносова соматика и перцепция достаточно часто идут бок о бок. Изображая отступающего, бегущего врага, «грозного исполина», автор к соматизму «пята» подключает звуковую динамику, интенсивность слухового и зрительного впечатления: *...Под сильною его пятою / Кремнистые бугры трещат, / И следом дерева лежат, / Что множество веков стояли / И бурей ярость презирали.*

В той же оде читаем: *...Всяк кровь свою пролить готов / За многие твои доброты / И к подданным твоим щедроты.* Инверсия (ср.: *пролить кровь*) и употребление, казалось бы, избыточного определения *свою* придаёт остроту и живость мысли о самопожертвовании.

В следующей, предпоследней, строфе оды сочетание соматики (*десница, сердце Петрополя, наше сердце, лице ее*) и выразительной перцепции подкреплено идущим из фольклора приемом тройного сравнения через отрицание: *Целуй, Петрополь, ту десницу, / Которой долго ты желал: / Ты паки зришь императрицу, / Что в сердце завсегда держал. / Не так поля росы желают, / И в зной цветы от жажды тают, / Не так способных ветров ждет / Кораблю, что в тихий порт плывет; / Как сердце наше к ней пылало, / Чтоб к нам лице ее сияло.*

Императрица прорисована внешне, через соматизмы церковнославянского языка (*десница, лице*), тогда как ее подданные, в том числе лирический герой оды изображены внутренне, через фразеологизмы с компонентом-соматизмом (*в сердце держал, сердце пылало*).

В этой статье при анализе ломоносовской соматики мы стремились по возможности не выходить за пределы одного и того же произведения, причем намеренно были взяты, как правило, далеко не самые известные оды поэта.

Приемом анализа становилось противопоставление когниций, эмоций и перцепций и, соответственно, особое внимание лингвоперцептивным характеристикам ломоносовской высокой поэзии.

Еще раз приведем известные строки поэта: *Царей и царств земных отрада, / Возлюбленная тишина...* («Ода на день восшествия на всероссийский престол Ея Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»), *Уже прекрасное светило простерло блеск свой по земли...* («Утреннее размышление о Божием величестве»), *Открылась бездна звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна* («Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния»). Эти строки цитируются. Заострим вопрос, по какой причине.

Вопрос, что именно делает крылатые строки крылатыми, в своем исследовании по лексикографированию цитат вслед за другими учеными оставляет открытым Ю. А. Лысикова [14, с. 43, 103 и др.].

Нам представляется (и приведённые только что крылатые слова М. В. Ломоносова это доказывают!), что предпосылкой превращения цитируемой строки в крылатую, помимо экстралингвистических факторов (включения стихотворения в школьную программу, причем на длительный период, привязанность к стихотворению нескольких поколений семьи, то есть внутрисемейная цитация!), является и такая лингвистическая причина, как яркая передача этим стихотворением не столько когниции (афоризм), и не столько эмоции (фразеологизм), сколько перцепции (крылатое выражение). «*И дым отечества нам сладок и приятен*», «*Кроет уж лист золотой / Влажную землю в лесу*», «*Мороз и солнце! День чудесный...*». В этом же ряду стоят и ломоносовские строки: «*Открылась бездна звезд полна...*», «*Царей и царств земных отрада, / Возлюбленная тишина...*».

Чтобы восстановить справедливость, закончим статью цитатой из всё той же «Оды на прибытие...», которую чаще остальных од мы анализировали в своей статье. В этой цитате почти нет перцепции, когниция и эмоция представлена в чистом, «беспримесном» виде, однако отрывок заслуживает внимания и запоминания.

Красуйся, дух мой восхищенный, / И не завидуй тем творцам, / Что носят лавр похвал зеленый; Доволен будь собою сам: Твою усерднейшую ревность / Ни гнев стихий, ни мрачна древность / В забвении не могут скрыть, которую будут век хранить...

Тем самым мы хотим сказать, что всё выше отмеченное про поэзию Ломоносова отнюдь не означает, что где есть перцепция, – хорошо, где её нет, – хуже.

В биологии известен термин «эквивинальность развития». В поэтическом дискурсе одинаковый по силе эффект может быть достигнут различными средствами. Поэзия по определению блестяще играет всеми резервами языка – не только перцептивными образами и соматизмами.

Список литературы

1. Норманн Б. Ю. Рациональность и иррациональность лексического знака // Проблемы лексикологии. – Минск: Изд-во Белорусск. гос. ун-та, 1973. – 200 с.
2. Ломоносов М. В. Сочинения. – М.-Л.: ГИХЛ, 1961. – 592 с.
3. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. – Т. 7. – Труды по филологии. 1739-1758. – М.-Л.: Академия наук СССР, 1952. – 776 с.
4. Кураш С. Б., Ревуцкий О. И. Учение М. В. Ломоносова о тропах в контексте современных представлений о тропе и троповости // Традиции М.В. Ломоносова и современность. Материалы международной научно-практической конференции. – Гомель: Изд-во Гомельского государственного университета, 2007. – С. 123 – 127.
5. Попова А. Р. Словарь одного слова. – Орел: ООО ПФ «Оперативная полиграфия», 2009. – 356 с.
6. Туганова С. В. Словарь русских и английских антропологических примет // Казань: Институт истории АНРТ, 2009. – 244 с.
7. Старых О. В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // Вестник ПСТГУ. – III. Филология. – Вып. 2 (24). – 2011. – С. 80 – 85.
8. Завалишина К. Г. Концептосфера «Человек телесный» в языке русского, немецкого и английского песенного фольклора // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2005. – 19 с.
9. Замалютдинова Э. Р. Особенности употребления слов-характеристик лица в переводах произведений Г. Манна на русский язык (на материале имен существительных и прилагательных) // Русская и сопоставительная филология: Взгляд молодых. – Казань: КГУ, 2003. – С. 30 – 38.
10. Гынзанова Л. Г. Интерпретационный потенциал соматизмов в описании картины мира языковой личности диалектоносителя // Вестник Томского государственного университета. – Филология. – 2009. – № 1 (5). – С. 13 – 21.
11. Занковец А. А. Влияние различных лингвистических факторов на фразеологическую активность соматизмов русского и белорусского языков // Вестник Беларус. дзярж. ун-та. – Серия 4. – Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2007. – № 2. – С. 70 – 75.
12. Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. – 2005. – № 3. – С. 3 – 16.
13. Харченко В. К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. – М.: Изд-во Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.

14. Лысикова Ю. А. Лексикографирование цитат // Дис. ...канд. филол. наук. – Орел, 2005. – 191 с.

M. V. LOMONOSOV'S POETRY: THE PECULIARITIES OF LITERARY PERCEPTION

V. K. Kharchenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru*

The article deals with the particularities of the language means of perceptual memory: visual, tactile images and those received through the organs of taste and smell studied in M.V. Lomonosov's odes.

Keywords: perception, channel of human perception, somatism, somatology.